

Виктор Вебер

«Добровольная жертва теракта»

Вербное воскресенье.

Иоан. 12,12-19

Филиппийцам 2,5-11

Цок. Цок. Цок. Слышится сквозь сон, когда кто-то, как раньше бывало в селениях, стучит по металлу, когда пришло какое-то горе, пришла какая-то беда. В последние годы мы часто сталкиваемся со страшными новостями о терактах, авиакатастрофах и т.д. Страх. Страх, что это может коснуться тебя. И чувство сопереживания с родными погибших. И страшные мысли, что чувствовали жертвы перед смертью. Что чувствовали они, например, в взорванном, падающем самолете. Не дай Бог нам это пережить. И наш страх гонит наши мысли на что-то более приятное. Мы хотим отвлечься от темного на светлое.

Белое и черное, любовь и ненависть, радость и боль. Тьма и свет соседствуют рядом, переплетаются в водовороте событий, мыслей и чувств. Сегодня ты кого-то боготворишь, а через несколько дней ненавидишь. Только что ты отдыхаешь на курорте, греешься на солнышке, а через несколько дней погибаешь в авиакатастрофе. Наша жизнь полна таких контрастов.

Наша жизнь как тот упавший Боинг. Взлет, полет, снижение и неминуемая катастрофа. Так было с каждым творением. Без вариантов. Наши судьбы были бы всегда такой вереницей катастроф. Если бы на наш лайнер не сел Бог.

Цок. Цок. Цок. Ослик торжественно идет по пальмовым листьям. Осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев! Ликуют ученики! Ликует народ! Ликует великий город! Кого же встречают радостно люди? Мессию или свои триумфальные планы? Христа или свои личные надежды? Царство Божие жаждем или земное? Проповедь чудесного примирения с Богом желаем или чудеса исцеления?

Цок. Цок. Цок. Иисус, сын Марии, спускается с горы на ослике и въезжает в Иерусалим. Христос Сын Бога живого едет по пути на Свой Крест. Неумолимо как ночь наступает Страстная неделя. И все перемешано в ней: тьма греха и пасхальная заря. Радость общения, трапеза и единение на Последней Вечере и предательство. Пальмовые ветви и

терновый венец. Открытое, ранимое сердце Христа, обращенное к нам и наше: распни Его. Мучение Матери Божьей Марии при виде предательства, ненависти, лжи, трусости, страха вокруг ее Сына и вид страданий Его. И наоборот верность немногих стоящих с ней под крестом и утешающих.

Все перемешалось и столкнулось на Страстной неделе. Бог умаляется до Своего творения, принимает смерть от него. Святое и Чистое окунается в средоточие греха до глубины преисподней.

Как-то я смотрел передачу про необычные профессии. В Мехико, столице Мексике, где порядка 20 миллионов жителей, канализация города работает на пределе. Вдобавок после землетрясения изменился ландшафт, и сточные воды потекли в обратном направлении. Поэтому пришлось ставить мощные насосы. Но никак не сортируемые отходы города забиваются, застревают в насосной станции и рабочий в водолазном костюме спускается в этот ад и вручную очищает заторы. И вот с рабочим спустился и ведущий передачи, в такой клетке-лифте, медленно постепенно погружаясь в отходы 20 миллионного города. Сквозь стекло скафандра были видны глаза журналиста, выражающие просто панический ужас.

Теперь представьте наш ужас, если бы злые мысли, поступки, грех бы материализовался. Подумал или тем более сделал гадость, и раз в пространстве порция фекалий поплыла. В чем бы мы жили? А ведь и живем. Только видно не всем и не всегда. А за века, за годы существования всего человечества сколько скопилось?

Вот в такой греховный мир пришел Бог. Он снял небесный защитный Свой костюм и стал одним из нас, и весь грех мира набросился на Чистого.

И пошел Богочеловек на самое наше дно. Ибо никто не мог кроме Него справиться с затором, с загрязнением наших душ. Только Он Сам лично.

Даже самый смиренный и мужественный человек, самый достойный мученик, идущий на смерть за Христа, это всё равно есть восхождение, это движение к Богу. Это Господь Его призывает и поддерживает. И только Христа путь это есть одинокое Бога сходжение вниз и истинное уничижение. Господин стал добровольно рабом. И принял смерть от рабов, возомнивших себя господами, ради их же освобождения от оков греха и смерти.

Цок. Цок. Цок. Молоток бил по гвоздю и металл, распарывая плоть, пронзал кисть, дробил кость Христа и входил в дерево. Кровь текла. И у металла разрывающего тела жертв терактов, и у огня авиационного бензина сжигающего тела пассажиров все меньше становилось силы и будущего. Цок. Цок. Цок. Смерть, вонзаясь в плоть Богочеловека причиняла мучения, но теряла свое последнее слово, все наши ошибки, промахи и грех, все наши катастрофы теряли свою силу. Тьма отступала перед жертвенной любовью предвечного Слова, перед милостью и могуществом Творца. Наши боль, страх, тоска, трусость, наша злоба и неверность получали свой будущий конец. Но ещё до этого мгновения Иисус годами переживал приближение неминуемой реальной смерти. Более того решение пройти через страдания Бог принял не на земле, Он это сделал ещё на небе. На небесном совете Троицы. Ещё там, где нет времени и пространства начался крестный путь ради нашего спасения. Еще, будучи в состоянии славы предвечной Он отказался от нее ради каждого из нас, отказался от покоя блаженного божественного бытия и сел на наш лайнер.

Цок. Цок. Цок. Ослик везет Иисуса в Иерусалим. Но это не звук триумфа признания. Нет, это звук мучительного ожидания неизбежного страдания на фоне радости одних и злобы других. Это звук предстоящих ударов плетью, это учащенный стук сердца испуганного Петра, это стук боли в сердце матери Иисуса. Это звук вбиваемых гвоздей. Это звуки смертельной битвы между добром и злом. Между Богочеловеком и грехом.

Страстная, Великая неделя как жизнь христианина полна противоречий: полна боли, но радость приносит, полна страха людского, но мужество Христа всё преодолевает. Полна нашей неверности, но верность Бога все покрывает.

На Великой неделе мы христиане со Христом умираем, но и с Ним воскресаем и начинается она под стук копыт ослика, везущего Иисуса Христа в Иерусалим. Цок. Цок. Цок.